

三
原
大
空

КОЛОКОЛ
НАГАСАКИ

Такаси Нагаи

Военная публицистика

Такаси Нагаи
Колокол Нагасаки

«Individuum»

1949

УДК 94
ББК 63.3(0)62

Нагаи Т.

Колокол Нагасаки / Т. Нагаи — «Individuum», 1949 — (Военная публицистика)

ISBN 978-5-6048006-0-7

Когда 9 августа 1945 года над Нагасаки взорвалась атомная бомба «Толстяк», доктор Такаси Нагаи работал в университетской больнице неподалеку от эпицентра. Едва выбравшись из полуразрушенного здания и несмотря на серьезные травмы, вместе с другими врачами он принялся оказывать помощь выжившим. Отчет о первых страшных днях после атомной бомбардировки лег в основу книги «Колокол Нагасаки». Доктор Нагаи умер от лейкемии спустя два года после публикации. Его эссе стало и уникальным свидетельством очевидца катастрофы, и размышлением ученого о природе атомной бомбы, и гуманистическим призывом: подобное никогда больше не должно повториться. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-6048006-0-7

© Нагаи Т., 1949
© Individuum, 1949

Содержание

Предисловие к изданию на русском языке	7
Когда взорвалась бомба	9
1. Непосредственно перед тем, как...	10
2. Атомная бомба	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Такаси Нагаи

Колокол Нагасаки

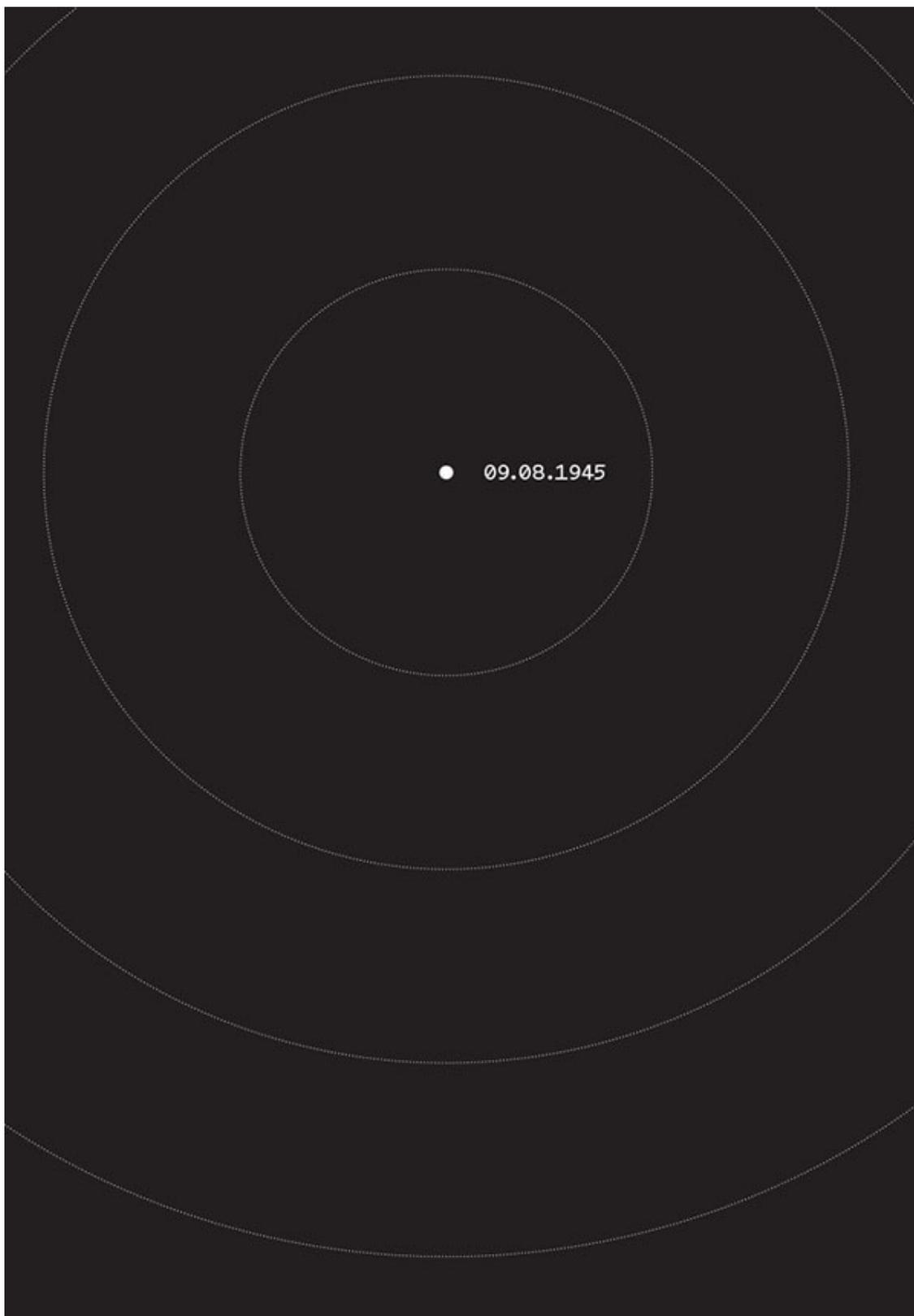
Обложка: Чарльз Леви, Atomic Cloud Rises Over Nagasaki /National Archives at College Park, общественное достояние

© Nagai Takashi, 1949

© Марк Тульчинский, перевод, 2022

© ООО «Индивидуум Принт», 2022

* * *

Предисловие к изданию на русском языке

Сразу оговорюсь: я не специалист по Японии, хотя меня всегда интересовали взаимоотношения СССР и России с нашими соседями. Тем более что у нашей семьи есть печальный опыт контакта с милитаристской Японией: отец моей супруги участвовал в войне против Квантунской армии в 1945 году. Слава богу, он остался жив, но воспоминаниями делился.

Одно событие в истории Японии не давало мне покоя с тех пор, когда я учился в школе, а потом в институте и мы изучали так называемую гражданскую оборону. В 1950-х–1960-х годах школьники и студенты подробно штудировали основы поведения в условиях применения оружия массового поражения, преимущественно ядерного.

Единственным примером использования такого оружия были бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 года. Как будущие медики, мы уже более углубленно изучали последствия ядерного взрыва, но все равно это оставалось чем-то теоретическим, далеким от нашей реальности.

Но затем судьба распорядилась так, что мне, молодому доктору наук, посчастливилось войти в круг первых врачей-ученых СССР и США, которые в 1980 году, в самый тяжелый период противостояния двух великих ядерных держав, решились на создание Международного движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны».

В основу идеологии движения была положена концепция недопущения ядерного противостояния, которое могло (да и сегодня может) уничтожить человечество. А основными доказательствами как раз и послужили материалы, документирующие последствия атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки – как немедленные, так и отдаленные. На разных языках были опубликованы монографии на эту тему, и врачи начали поднимать общественность, чтобы заставить политиков приступить к переговорам.

Большую роль в нашей работе сыграла активность японских врачей и хибакуся (людей, подвергшихся воздействию ядерных взрывов), которые эмоционально рассказывали о том, что они ощущали во время и после бомбардировок. К сожалению, среди этих рассказов почти не было свидетельств японских докторов, оказывавших помощь пострадавшим вблизи эпицентра взрывов, так как многие из них либо погибли сразу, либо умерли от последствий лучевой болезни в последующие несколько лет и не дожили до 1980-х. Были достаточно ограниченные свидетельства врачей Красного Креста, а также американских врачей (последние – по понятной причине большей частью засекреченные).

Но одно яркое свидетельство от лица японского доктора все же существовало – воспоминания врача и преподавателя университета Нагасаки Такаси Нагаи, непосредственного участника помощи пострадавшим, который и сам пережил ядерный взрыв 9 августа 1945 года.

К сожалению, в СССР и России доктор Нагаи был практически неизвестен: его воспоминания не издавались на русском языке, а российских туристов не водили в его мемориальный дом. Да и в целом в Нагасаки наши сограждане почти не заглядывали, несмотря на то что там есть кладбище русских моряков. Сам я впервые попал в этот город в 1985 году как руководитель делегации СССР на Международном фестивале молодежи и культуры «Сока-Гаккай Интернэшнл» (Soka-Gakkai International). Нагасаки поразил меня своей самобытностью, вниманием к памяти о наших соотечественниках и, как ни странно, тем, что в нем не слишком много говорили о ядерной бомбардировке и редко упоминали о роли США в тех исторических событиях.

Может быть, это связано с тем, что влиятельная христианская община Нагасаки разделяла основной посыл Такаси Нагаи, который воспринял ядерную бомбардировку как искупление грехов японских милитаристов, то есть фактически снял с США ответственность за то тяжкое преступление. Я думаю, именно это нежелание сводить счеты с США стало причиной,

почему его глубоко эмоциональная и полная важных фактологических наблюдений книга так и не была переведена в СССР. В новейшей России подобные книги, к сожалению, уже не представляли коммерческого интереса.

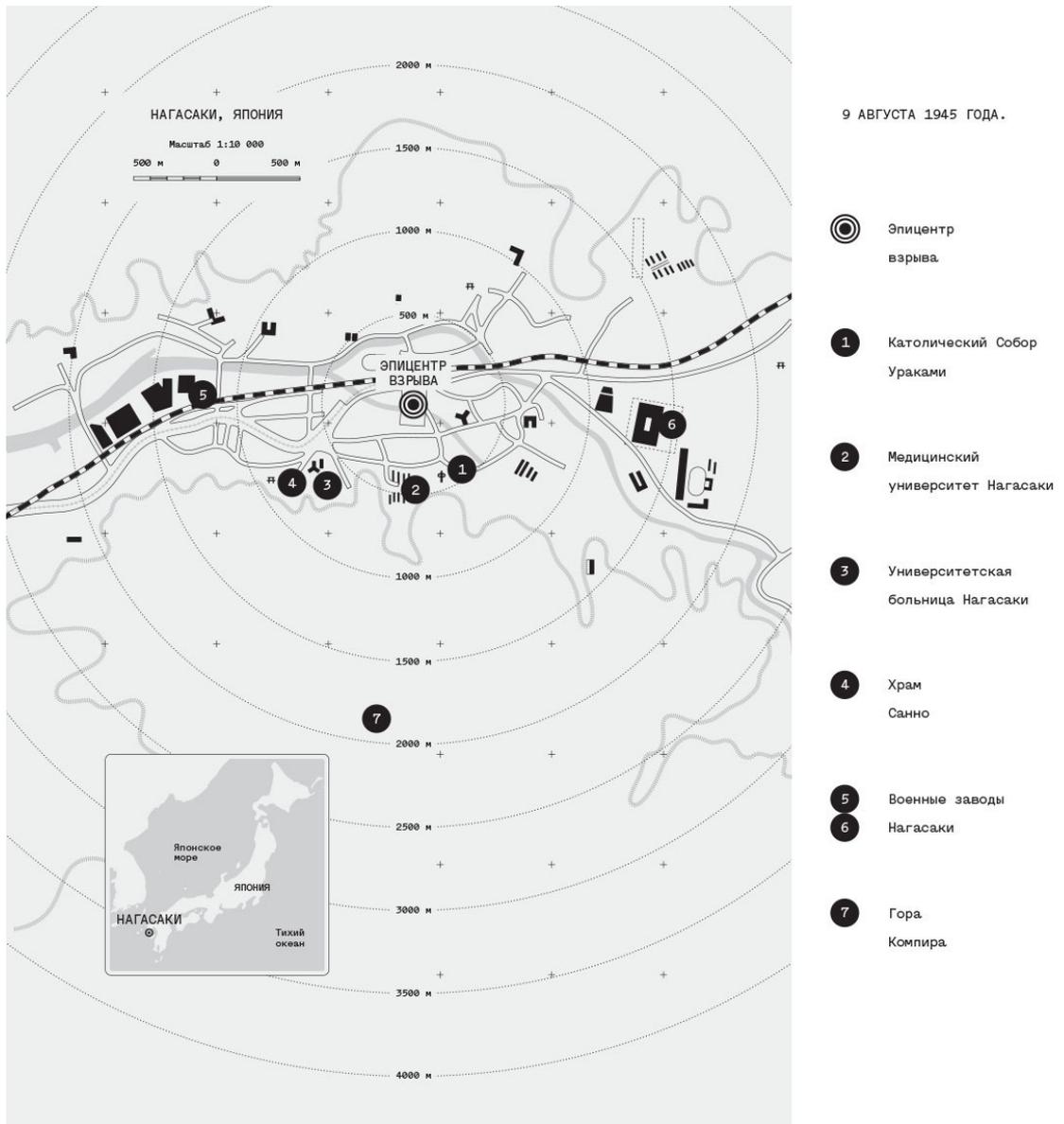
Между тем, помимо эмоционального посыла, книга Такаси Нагаи предлагает читателю возможность понять психологию японской интеллигенции и студентов в дни капитуляции Японии, жертвенность их поведения – и как врачей, и как патриотов Японии, их размышления о будущем науки. Как истинные университетские ученые, в те тяжкие дни они дискутировали о ядерной энергии, анализировали вероятные источники и возможности ее применения, демонстрируя подлинный научный дух.

Наследие Такаси Нагаи в Японии живет, и многие врачи Японии присоединились к анти-ядерному движению, чтобы не допустить ядерного апокалипсиса. По сути дела, Такаси Нагаи и его книга и есть тот колокол, который до сих пор звонит в Японии и других странах, напоминая не только об ужасах ядерной войны, но и о настоящем самопожертвовании, характерном для врачебной профессии.

Я хотел бы поблагодарить Марка Тульчинского и всех, кто его поддержал, за то, что он сделал книгу доступной для русскоязычного читателя.

Сергей Иванович Колесников, академик РАН, в 1991–2012 годах – сопresident международной организации «Врачи мира за предотвращение ядерной войны», в 2002–2012 годах – сопresident международной организации «Парламентарии за ядерное нераспространение»

Когда взорвалась бомба

1. Непосредственно перед тем, как...

Четверг, 9 августа 1945 года. Как и всегда, солнце взошло из-за горы Компира, и великолепный Ураками¹ приветствовал последнее утро. Военные заводы, расположенные вдоль реки, выпускали в небо белый дым. Черепичные крыши торгового района по соседству с главным шоссе напоминали фиолетовые волны. Со стороны жилого района поднимались струйки дыма, рассказывающие о счастливых семьях, собравшихся вместе за завтраком. Террасные поля на склоне горы поблескивали, как роса на клубне картофеля. К самому крупному христианскому собору Азии² стекались празднично одетые прихожане. Люди молились, еще не зная о том, что очень скоро они примут на себя грехи всего мира.

В медицинском университете Нагасаки лекции начинались ровно в восемь утра. «Сражайся и учись!» – таков был лозунг народного добровольческого корпуса³. Здание каждой клиники, каждый учебный класс, каждый факультет были мобилизованы для выполнения определенных функций. Профессора и студенты в защитных костюмах, с комплектами первой медицинской помощи посвящали себя как учебе, так и лечению больных, а в случае авианалета уже через несколько мгновений все стояли на постах, готовые оказать помощь пострадавшим. Воздушные налеты не были редкостью. Университет бомбили за неделю до начала описываемых событий. Тогда три студента погибли мгновенно, а более десяти оказались серьезно ранены. Но благодаря решительным и слаженным действиям студентов и медсестер ни один пациент университетской клиники не пострадал.

Завыла сирена воздушной тревоги. Студенты бурной рекой устремились из лекционных залов в коридоры, объединились в группы и разошлись по своим постам. Кто-то из штаба гражданской обороны пробежал по коридорам с громкоговорителем, выкрикивая команды. Сегодня, как обычно, ожидался массированный авианалет на юг острова Кюсю. Сирена воздушной тревоги продолжала реветь. Я поднял голову и посмотрел в ясное утреннее небо, мигающие высоко-высоко в облаках блики зацепили мой взгляд. Вражеские самолеты приближались. Одна за другой, тут и там, еще громче завывали сирены, пронизывая пространство невидимыми звуковыми волнами. Мне был до боли знаком этот звук, и я бы многое отдал, чтобы больше никогда его не слышать.

Ярко алели цветы сарусубэри⁴. Такими же ярко-красными были и цветы олеандра. И канны тоже были алыми, словно кровь. Там, среди красных цветов, притаившись на своих постах возле входа в больницу, стояли студенты-медики первого года обучения. Юноши и девушки держали носилки, готовые эвакуировать больных и раненых.

– Интересно, как там на самом деле идет война? – спросил молоденький студент из Кагосимы. – Многие из моих одноклассников на фронте.

– А где наши самолеты? Чем они занимаются? – послышался из укрытия голос другого студента, судя по акценту – уроженца Осаки. – Как-то это все затянулось! Какая польза от сопротивления? Какие у нас шансы?

Никто не ответил. Я уже не раз слышал такие разговоры. Но разве у нашей родины – Японии – оставался какой-то выбор, кроме как между жизнью и смертью? Наши правители начали эту войну, чтобы выиграть ее. Когда они поднимали занавес, чтобы разыграть эту трагедию,

¹ Район на севере Нагасаки. – Здесь и далее примечания переводчика.

² Собор Девы Марии – католический храм, открывший двери в 1925 году. Был крупнейшим христианским храмом в Юго-Восточной Азии. Христианство пришло в Японию с португальскими моряками в XVI веке через Нагасаки.

³ Народное ополчение Японии, созданное в июне 1945 года. В него входили мужчины в возрасте от 12 до 65 лет и женщины от 12 до 45 лет.

⁴ Индийская сирень, или лагерстремия индийская.

они верили в победу. И все же после падения Сайпана⁵ тексты военных сводок Генерального штаба изменились. Самые проникательные студенты быстро почувствовали, как изменился привкус официальной риторики. Он стал отдавать гнильцой.

– Фудзимото! Что вы скажете? Чем закончится война? – В узком входе в убежище показало красное лицо парня, говорившего на осакском диалекте. На нем были ллойдовские очки⁶, и выглядел он словно осьминог, высматривающий что-то из своего укрытия.

Фудзимото, староста класса, стоял под деревом аогири⁷ неподвижно, скрестив руки на груди, и пристально глядел в небо. Фудзимото был невысокого роста, но отличался железными нервами. Весь его внешний вид, начиная со стального шлема и заканчивая крепко-накрепко завязанными черными шнурками на ботинках, был идеальным, а манеры – безупречными. Много раз он выносил раненых из-под бомбежек, тем самым завоевав доверие и уважение товарищей. Когда они видели, как этот хрупкий юноша кидался в облако дыма и огня, за ним шли без колебаний. Фудзимото всегда носил с собой отцовский бинокль и, когда в небе слышался шум, с его помощью следил за вражескими самолетами и сообщал товарищам об их перемещениях.

– Чем же закончится война? – не мог уговориться юноша из Осаки.

– Чем же закончится война? – переспросил Фудзимото, словно подавляя собственные мысли, и продолжил: – Война не определяет нашу судьбу. Напротив, это мы решаем судьбу войны. Что имеет значение, так это сила и настойчивость молодых японцев или молодых американцев. Они и определяют, кто победит.

– Но ситуация очень драматичная. Разница в материальных ресурсах колоссальна. Наши жалкие усилия просто бессмысленны, – не унимался «осьминог» в очках.

– Может быть, это и так. Но если прямо сейчас бомбы начнут падать на наш город, что за польза от твоих разговоров? Надо будет действовать без колебаний. Я собираюсь исполнить свой долг до конца. – Фудзимото говорил твердо и решительно.

Но сомнения юноши из Осаки, похоже, никуда не делись.

В этот момент появился заместитель старосты с огромным брусом в руках. Парень был выпускником школы Кокура; он делал свою работу, не тратя время на разговоры. Сейчас его задача состояла в том, чтобы укрепить наблюдательный пункт. Он трудился один, пот лил с него градом.

«Осьминог» переключился на заместителя старосты:

– Если враг действительно явится сюда, что мы будем делать?

– Есть время жить, и есть время умирать, – прозвучал ответ. Выпускник школы Кокура достал из-за пояса веер, стал им обмахиваться, затем продолжил: – Живем мы или умираем, мы не хотим быть посмешищем для всего мира.

Снова воцарилась глубокая тишина. Цветы сарусубэри, олеандра и канны, красные и неподвижные, выглядели как застывшая кровь. В воздухе висел пульсирующий стрекот цикад, сидящих на камфорных деревьях вокруг храма Санно⁸.

В тот день было мое дежурство, и, как инструктор по противовоздушной обороне, я должен был проверить готовность людей и оборудования к ликвидации последствий воздушного налета. Войдя в больницу с центрального входа, я прошел по широкому коридору до запасного выхода. У каждой больничной палаты уже стояли студенты и медсестры, одетые в униформу. Ведра были заполнены водой. Пожарные рукава растянуты. Пожарные багры, лопаты – все

⁵ Бои за остров Сайпан, входящий в Марианский архипелаг, проходили в июне – июле 1945 года и закончились поражением Японской армии, в результате чего самолеты ВВС США получили плацдарм для авианалетов на японские города, расположенные на основном архипелаге.

⁶ Очки с круглыми стеклами, которые носил знаменитый в первой половине XX века американский комик Гарольд Ллойд.

⁷ Японское маковое дерево.

⁸ Синтоистский храм, располагавшийся в девятистах метрах от эпицентра взрыва атомной бомбы.

было готово к борьбе с зажигательными бомбами. Перед рентген-кабинетом я столкнулся со студентом третьего курса по имени Уэно. Какой мужественный парень! Несколько дней назад, когда от зажигательной бомбы загорелось отделение гинекологии, он дежурил на крыше соседнего дерматологического корпуса. Когда мы побежали к горящему зданию, чтобы тушить его, вражеские бомбардировщики начали пикировать вниз, но Уэно смело руководил нашими действиями, стоя под падающими бомбами:

– Они снижаются! Бомбы падают! В укрытие! Опасность!

Потом наконец сообщил:

– Вражеские самолеты улетели! Всё в порядке. Выходите из укрытия! Огонь не потух!

– Храбрец, – сказал я, приветствуя его. Уэно застенчиво почесал голову.

– На днях мама отругала меня, – ответил он. – Говорила мне не делать чего-либо только для того, чтобы произвести впечатление на других: «Ты больше не ребенок», – сказала она.

Люди, работавшие с ручными насосами, собрались возле задних ворот. Мы хорошо подготовились и могли справиться с последствиями падения зажигательных или обычных бомб. Довольный увиденным, я отправился в восточное крыло больницы. В отделениях отоларингологии, хирургии и гинекологии беспорядок от недавних бомбежек пугал сильнее, чем раны и увечья пациентов. Вокруг зданий, как кровь, алели олеандры, в воздухе отчетливо ощущался запах карболки⁹. Нервная дрожь пробежала по моему телу.

Рассеивая сомнения и страх, прозвучал звонок на урок. Когда я вернулся в аудиторию, студенты с шумом расстегивали ремни стальных шлемов. Медсестра Иноуэ, отвечавшая за информирование, склонила голову набок. Ее глаза засверкали ярче, чем обычно, когда она объявила: «Над Кюсю больше нет самолетов противника». Она повторила то, что услышала по радио. Пот слегка выступил на ее покрасневших щеках, к которым прилипли пряди волос.

Из ректората поступила команда «Немедленно приступить к занятиям!», и гонцы снова побежали по коридорам, выкрикивая распоряжения. Учащиеся вернулись в аудитории на лекции. Наш университет вновь стал башней из слоновой кости, заполненной учеными и студентами, ищущими истину. В поликлинике амбулаторные больные толпились у стойки регистрации, вместе с ними стояли студенты в белых халатах, ожидая, когда преподаватели будут проверять их знания и навыки. Из отделения внутренних болезней, располагавшегося в противоположном конце коридора, зазвучал приятный голос профессора Цуно – начались занятия.

⁹ Карболовая кислота (фенол) использовалась как антисептик.

2. Атомная бомба

Тимото-сан косил траву на склоне горы Кавабира. В трех километрах на юго-западе виднелся прекрасный Ураками. Предполуденное летнее солнце чуть лениво смотрело на город, обещая жаркий день. Вдруг Тимото услышал знакомый, но пока еще слабый звук приближающегося самолета. С серпом в руке он выпрямился и посмотрел в небо. Оно было чистым, но прямо над головой проплывало большое облако, по форме напоминавшее ладонь. Звук самолета доносился именно оттуда, из-за этого облака. На кончике среднего пальца облака-руки появился маленький мерцающий серебристый самолет – это был Б-29¹⁰. Он находился на высоте около восьми тысяч метров. Кажется, от него отделилось что-то черное, узкое, продолговатое. Это бомба! Тимото бросился на землю. Пять секунд, десять, двадцать, минута. Пока он лежал, затаив дыхание, он потерял счет времени.

И вдруг – вспышка. Слепляющая, ужасная, всепронизывающая, но при этом бесшумная. Тимото с опаской приподнял голову. Это в Ураками. И где-то в районе над храмом он увидел огромный столб белого дыма, который стремительно поднимался вверх и становился тем больше, чем выше он полз. Но настоящий ужас в сердце Тимото вселил ураганный вихрь, который взметнулся за взрывом и понесся прямо на Тимото. Смерч появился из белого облака, он летел по холмам и полям с дикой скоростью и разрушительной мощностью. Дома, деревья – все, что было на его пути, – опрокидывались на землю, разлетались в клочья еще до того, как смерч достигал их. Островки деревьев исчезали на глазах, когда эта чудовищная разрушительная сила устремилась вверх по склону горы Кавабира. Что это? Тимото мог думать только об одном – об огромном невидимом бульдозере, который двигался к нему и ровнял с землей все на своем пути: «Меня сейчас сотрет в порошок». Молитвенно сложив руки, он обратился к Богу и бросился на траву, вжавшись в нее. Затем он услышал оглушительный шум, его подбросило в воздух, отшвырнуло метров на пять и ударило о кирпичную стену. Наконец он открыл глаза и огляделся. Стволы деревьев как будто срезали. Вокруг не было ни ветвей, ни листьев, ни травы. Все исчезло. В воздухе повис запах смолы.

* * *

Фуруэ-сан возвращался на велосипеде из Митиноо¹¹ в Ураками. Когда он проезжал мимо завода боеприпасов, ему показалось, что он слышит странный звук. Посмотрев наверх, он увидел огромный огненный шар над кварталом Мацуяма примерно на высоте горы Инаса¹². Шар излучал красный свет, как при горении стронция в громадном фонаре, но свет был не таким ослепительным, чтобы на него невозможно было смотреть. Шар опускался все ниже, и свет приблизился к земле. «Что бы это могло быть?» – подумал Фуруэ. Он приложил руку козырьком над очками и сощурил левый глаз, чтобы лучше рассмотреть, но тут все озарила ослепительная вспышка, напоминавшая взрыв магния, и Фуруэ подбросило ввысь. Много часов позже, придя в сознание, он понял, что лежит на рисовом поле, придавленный велосипедом. Фуруэ полностью ослеп на правый глаз.

¹⁰ Б-29, «Суперкрепость» – американский стратегический бомбардировщик, производившийся компанией «Боинг» в 1943–1946 годах. Начиная с лета 1944 года Б-29 использовался для бомбардировок Японии. Участвовал в сбросе бомб «Мальш» 6 августа 1945 года и «Толстяк» 9 августа 1945 года на Хиросиму и Нагасаки соответственно.

¹¹ Митиноо – поселение, располагавшееся в четырех километрах от Ураками.

¹² Высота горы Инаса 333 метра. С ее вершины на Нагасаки открывается так называемый «ночной вид на десять миллионов долларов».

* * *

В школе Когакура, что в семи километрах от Ураками, Тагава-сэнсэй сосредоточенно составлял отчет об утренней воздушной тревоге. Он обернулся к окну, и его взгляд застыл: ослепительная вспышка озарила подножие горы и голубое небо над гаванью Нагасаки. Полуденное солнце в разгар лета, казалось, потемнело по сравнению с тем, каким было мгновением раньше. Свет от вспышки был, безусловно, во много раз ярче солнца. «Они стали использовать зажигательные бомбы в дневное время?» – пробормотал Тагава-сэнсэй про себя и наклонился, чтобы лучше рассмотреть, что происходит. Странное и пугающее зрелище предстало перед его взором. «Смотрите! Смотрите!» – крикнул он. Все учителя, которые были в учительской, бросились к окну. В небе над районом Ураками в Нагасаки висело нечто похожее на белое движущееся облако, которое на глазах росло. «Что это? Что это?» – в страхе закричали все, когда облако превратилось в огромный гриб диаметром в километр. А затем ударил порыв ветра невиданной силы. Здание сотряслось до самого фундамента. Все, кто был в учительской, оказались на полу, засыпанные осколками разбитого стекла. «Бомба! Прямое попадание в школу! В укрытие!» – крикнул Тагава-сэнсэй во весь голос, когда сам смог подняться и пойти в укрытие, обустроенное в холме за школой. Сидя в укрытии на холодной земле, Тагава-сэнсэй не знал того, что было известно одному только Богу, – а именно, что в это время у него дома, в Ураками, его жена и дети звали его на помощь, и это были их последние слова.

* * *

К югу от гавани Нагасаки на склоне горы Хатири, в восьми километрах от Ураками, находился район Оояма. Отсюда можно было увидеть долину, где лежал Ураками, а чуть дальше из дымки вырисовывался Нагасаки. Молодой Като вел корову на пастбище. На зеленом лугу он увидел землянику и принялся собирать ее и есть. А потом все озарила вспышка. Корова, видимо, тоже ее увидела и подняла голову. В небе над Ураками повисло густое белое облако, похожее на огромный клубок хлопка, который становился все больше и больше. Это выглядело как огромный бумажный фонарик, завернутый в хлопок. Внутри будто сияло и постоянно поблескивало что-то напоминающее гирлянду из электрических лампочек. Свет становился то красным, то желтым, то фиолетовым – гирлянда играла всеми возможными цветами.

Затем облако приняло форму мандзю – небольшого пирожка. А потом этот пирожок постепенно растягивался вверх, пока не стал похож на гриб мацутаке¹³. Из тех районов Ураками, которые находились прямо под белым облаком-грибом, повалили черный дым и грязь. Казалось, все это заполняло воздух и поднималось выше. Грибовидное облако росло и наконец достигло чистого неба. Затем обмякло и потекло на восток. Черный столб из грязи и дыма чуть уменьшился, но все еще был выше любой горы. Потом часть его начала распадаться и рассеиваться, а другая часть потекла вслед за облаком. Погода была ясной, поэтому и горы, и море были хорошо видны. Только Ураками, оказавшийся под облаком, попал в тень и выглядел абсолютно черным. А потом – взрыв! Одежда на Като разлетелась в клочья. Деревья вмиг лишились листвы. И все же ударная волна значительно ослабла, когда достигла Като. Корова никуда не убежала. Като решил, что где-то поблизости, совсем рядом, упала еще одна бомба.

¹³ С японского: «сосновый гриб». Произрастает в Азии (Китай, Корея, Япония), Северной Европе, России и Северной Америке.

* * *

Таками-сан возвращался со своей коровой из Ураками в Кобу¹⁴. Они шли по дороге Одо-рисэ, и вспышка настигла их примерно в двух километрах от Ураками. Таками-сан почувствовал жар, будто оказался на хибати – японской печке: он и его корова получили сильные ожоги. Затем на них обрушился дождь из огненных шаров. Один из таких шаров ударил его по ноге. Белый дымок исчез, пламя погасло, остался только запах, как от погасшей парафиновой свечки. Эти огненные шары привели к многочисленным пожарам.

¹⁴ Коба – населенный пункт в тридцати километрах от Ураками, в настоящее время район города Омур.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.